

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» /
SECTION “POLITICAL SCIENCES”

23.00.01 ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ /
POLITICAL THEORY AND PHILOSOPHY, HISTORY
AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

Серия «Политология. Религиоведение»

2019. Т. 29. С. 6–18

Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 32.01

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.29.6>

**Методологические подходы к феномену
политического риска**

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Исследуются причины политических рисков, некоторые направления, способы и методы их определения, дается объяснение этого феномена. Политический риск – неотъемлемый элемент любого прогноза. В то же время определение и расчет вероятности реализации политического риска начинаются после подготовки политического прогноза. Выявление потенциальных и вероятных политических рисков сопряжено с рядом сложностей, позволяет предотвращать неприятности и тяжелые последствия или минимизировать потери в случае их реализации с лихвой оправдывает усилия и финансовые затраты.

Ключевые слова: рискология, политический прогноз, политическая деятельность, природа политического риска, политический кризис, радикализация общества, пирамида рисков, аналитические технологии рискологии.

Для цитирования: Зуляр Ю. А. Методологические подходы к феномену политического риска // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2019. Т. 29. С. 6–18. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.29.6>

Одной из важнейших функций политической науки является прогностическая. И эта функция самая сложная, ибо прежде всего базируется на анализе выявленных закономерностей, тенденций, циклов и трендов, развивающихся в условиях изменяющегося контекста. В процессе подготовки прогнозов и сценариев обязательным элементом становится выявление и квалификация политических рисков. Учитывая роль и значение политических процессов в жизни людей, организаций и институтов, невозможно переоценить влияние на них рисков, относящихся к разряду политических. Сбывающийся прогноз в области политических рисков является ценной и всегда актуальной информацией для политиков, предпринимателей и администраторов. Поэтому исследования в этой области знаний неизменно вызывают интерес у специалистов и практиков, теоретиков и политтехнологов.

История рискологии. Предсказанием и прогнозом политических рисков человечество занималось всю государственную историю, переживая различные волны подъемов и спадов интереса к ним. Наибольшее внимание к политрискам проявлялось в республиканские периоды, но особенно со времени буржуазно-демократических революций. Следующий пик интереса и увеличение количества подготавливаемых прогнозов были обусловлены развитием науки и техники и наступлением компьютерной эры.

Необходимо отметить, что технологии определения политических рисков не являются пионерными в этой отрасли интеллектуальной человеческой деятельности. Первыми здесь были торговцы и пришедшие следом за ними предприниматели. Самостоятельной отраслью исследований, определяющих вероятность, степень и цену риска, является военное искусство, где цена риска предельно высока.

Затем этот опыт был задействован политической полицией, различных видов и профилей, и спецслужбами всех стран. В конечном счете любые технологии определения рисков во всех видах социально значимой деятельности включают в себя прямо или косвенно учет политических рисков. Таким образом, говорить о деятельности или даже о науке по исследованию политических рисков как о чем-то недавно изобретенном нет никаких оснований.

Совокупность человеческих знаний и реализованных на их основе технологий трансформировалась в науку с понятным названием «рискология». Входит ли она в бесконечно широкую футурологию или актуализирована в прогностике разных направлений, не столь существенно. Важно другое – рискология признана научным сообществом наряду с большим количеством недавно возникших научных направлений. Основанием для отнесения рискологии к разряду научных дисциплин является использование ею методологий, методов и технологий, причисляемых к разряду научных.

Природа риска. Риск как виртуальная реальность существует и реализуется только в социуме и возможен исключительно для него в целом, или составляющих его социальных групп, или одного индивида как частей этого социума. Политический риск неразрывно связан с феноменом власти, которая является одновременно его субъектом и объектом.

Природа и причина рисков кроются в самой политической деятельности. Политический риск – это производная функция деятельности или бездействия элементов политической системы любого государства. Свободного от риска поведения не существует. Любые инновации рискогенны по своей природе, но и отсутствие своевременной инновации чревато риском. Любой незавершенный процесс включает в себя неопределенности, сопряженные с риском, и риск неопределенности. Самое опасное заблуждение, провоцирующее риски, – верить, что будущее похоже на настоящее.

Создавая новый политический институт или политическую организацию, мы усложняем политическую систему и тем самым повышаем ее рискогенность. Традиционное общество было минимально рискогенно, ибо минимизировало новации; общество модерна принципиально увеличило рискогенность, так как приветствовало новации; общество постмодерна является по своей природе рискогенным, так как само является инновационным.

Понятие политических рисков. Рассуждения автора о рисках, рискологии и политрисках велись без их понятийного оформления, что грозит превращению данного исследования в совокупность околонучных умозаключений. В связи с этим разберемся с базовым термином «риск». Известно функциональное определение Ф. Найта о том, что риск – это вычисляемая неопределенность [8, с. 66]. Однако оно признается не всеми. В частности, по мнению В. В. Разуваева, противопоставление риска и неопределенности не работает практически нигде. На самом деле риск вырастает из неопределенности. Без неопределенности нет риска.

Он (Разуваев) считает, что риск – это в первую очередь неподсчитываемая из-за неопределенности возможность потерь, которая существует на фоне вероятности выигрыша. Р. Галати (R.Gallati) утверждает, что риск – это условие, когда существует возможность отклонения от результата, который ожидается или на который надеются [10]. Российские исследователи Е. П. Бочаров, О. Н. Алексенцева, Д. В. Ермошин пишут, что риск является событием, связанным с опасным процессом, который может произойти или не произойти [2, с. 16].

Автор статьи под риском понимает вероятность возникновения ситуации, угрожающей актору, реализуемому им или выгодного ему процессу прекращением функционирования или получением результата, обратного желаемому. Безусловно, риск поддается относительному расчету, ибо является следствием развития тех или иных тенденций, наблюдаемых в системе.

Таким образом, известна не одна сотня определений риска, что само по себе свидетельствует о наличии глубоких противоречий и неразрешенных проблем в рискологии.

Когда мы говорим о «политических рисках», то понимаем, что речь идет об одной из разновидностей риска, о сужении угрожающей ситуации до ее политической разновидности. Сокращение зоны угроз сопровождается расширением масштабов последствий. Политические процессы затрагивают интересы значительного количества людей, определяют роль и условия функционирования государственных и политических институтов. Следовательно, политический риск является наиболее опасной разновидностью риска, несущей наивысшую угрозу. Политический риск естественным образом обусловлен развитием политического процесса, затрагивающего государственные, общественные, корпоративные и индивидуальные интересы.

Природа политического риска. Политический риск не материален, но объективен, так как его игнорирование чревато потерей конкретных человеческих жизней, материальных и финансовых ресурсов и др. Он является виртуальной реальностью – индикатором грядущих потрясений, вероятность которых может быть неочевидной. Особенная неоднозначная природа политриска являлась, да и сейчас является, проблемой для науки и политической практики. Фактически мы имеем дело с двойной виртуальностью, что отличает политическую рискологию от политического прогнозирования.

Политическое прогнозирование. В процессе познания сформировалось несколько теоретико-методологических моделей предвидения и истол-

кования будущего: мифолого-религиозная, утопическая, историко-философская, футурологическая и прогностическая [4].

Вместе с тем любой исследователь, занимающийся политическим прогнозированием, предполагает вероятное развитие процессов, имеющих место в настоящей реальности, следовательно, объективно существующих. Взяв современное ему состояние за точку отсчета, он учитывает выявленные тренды, господствующие тенденции и признаваемые закономерности, накладывает на это периодизацию, цикличность и исторические аналогии и получает результат.

Все это в совокупности означает перевод реальности в виртуальность, существующего в вероятное, исчисленного в предполагаемое. Несмотря на всю сложность этой деятельности и ограниченную корректность, прогнозирование превратилось в широко используемую, признаваемую, финансируемую и уже не венчурную технологию.

Технологии политрискологии. Но для политической рискологии политическое прогнозирование – это только первый, подготовительный этап работы, после которого начинается основной. На базе составленного прогноза или ряда прогнозов формируется список (карта, таблица) политических рисков. Их разработка производится, исходя из поставленной задачи. Может быть составлен обзор предполагаемых рисков с точки зрения определения их параметров. К ним относится вероятность их реализации, глубина и распространенность последствий их наступления, антисистемность или антирежимность, меры по недопущению возникновения предполагаемого сценария последствий и цена ликвидации их последствий.

Рисковая ситуация. Говоря о риске, мы имеем в виду вероятность стечения/совпадения для актора ряда/комплекса неблагоприятных обстоятельств. Следовательно, вероятность риска целесообразно характеризовать как рисковую ситуацию. Структурно рисковая ситуация включает в себя: источники риска, факторы риска, объект/объекты риска, последствия риска. Основным источником рисковой ситуации является политическая нестабильность, чреватая ее дальнейшей трансформацией в хаос, революцию, смену правящего класса и др. Факторы риска – условия, повышающие или снижающие вероятность, интенсивность, силу воздействия источников риска на объекты риска. Ими могут быть свойства и состояния самих источников и объектов риска, а также компонентов, процессов и результатов деятельности, в том числе человека и окружающей среды.

Объектами политического риска выступают политические институты, политические системы и режимы, политические организации и политические деятели. Также необходимо выделить зону риска, представляющую собой пространственно-временной континуум, в котором постоянно, периодически или эпизодически возникает определенная совокупность источников и факторов риска.

Изменение любого значимого параметра политической системы, которое приводит к вариативности действий ее субъектов, является источником политического риска. Рост разнообразия в системе показывает, что она не

справляется со своими функциями и произошел запуск альтернативных структур, развивающихся в системе, чтобы способствовать ее адаптации к изменениям среды. Но в то же время каждая из этих альтернативных структур фактически несет в себе возможность развиваться в новую систему, которая заменит существующую.

Параметры радикализации социальной ситуации. Рассмотрим эти параметры. Вероятность наступления политического риска априори существует всегда. Вопросы в том, какова она, в каких единицах ее измерять и с какого уровня начинается переход количества в качество или вероятности в возможность, а возможности в неизбежность. Постоянно делаются попытки определить универсальный критерий пограничного состояния. Классической формулой, описывающей пограничное состояние между политическим недовольством (нестабильностью) и политической революцией, является ленинская «революционная ситуация», которую он изложил в работе «Крах II Интернационала». В. И. Ленин описал ее как неспособность «верхов» (политического класса) сохранять статус-кво и нежелание низов мириться с данным состоянием. Дополнительным условием он называл в качестве контекста катастрофическое снижение жизненного уровня основной части населения и в связи с этим повышение его политической активности [5, с. 218]. Революционная ситуация – это и есть состояние политической рискогенности.

Соотношение понятий политического кризиса и политического риска, по мнению М. В. Синяева, это отдельный и достаточно сложный вопрос, но при первом приближении можно указать, что политический риск фактически всегда несет в себе возможность политического кризиса как качественного преобразования системы [11].

Одним из наиболее известных и популярных в настоящее время параметров, показывающих предреволюционное состояние общества, является индекс соотношения доходов высших и низших слоев общества. Завлабораторией количественных методов исследования регионального развития РЭА им. Плеханова Е. Егорова считает, что разрыв между богатым и бедным населением России к 2019 г. от уровня 2000 г. сократился с 34 до 13 раз. Уровень зарплат высокооплачиваемых и низкооплачиваемых работников начал сокращаться к 2005 г. [7]

Правящий класс западных демократий после Второй мировой войны с целью недопущения кризисного уровня соотношения разницы в доходах предпринял ряд принципиальных мер. Прежде всего он заменил (или подменил) критерий доли владения национальным богатством на термин «состояние потребления». И действительно, хозяева западного мира принципиально увеличили объемы потребления товаров и услуг основной частью населения, введя понятие среднего класса, основной характеристикой которого определялось потребление. При данной технологии из зоны общественного внимания «вымыт» критерий качества потребления. Научно-технический прогресс позволил создать дешевые аналоги всех товаров общественного потребления и питания, насытить ими потребительский рынок и снять социальное напряжение.

Процессы «арабской весны» сделали популярным «демографический критерий» состояния революционной ситуации. Речь идет о соотношении доли молодежи в структуре общества. Если эта доля превышает некий процент (50 %), то вероятность социальных катаклизмов становится более чем реальной.

Новый тип индикаторов грядущей радикализации общества привнесла в политическую реальность и науку украинская ситуация. Она показала, что политическая ориентация определенной части творческой и научной интеллигенции, владельцев и журналистов СМИ способна реализовать революционный проект даже при отсутствии ранее указанных объективных условий. В 2019 г. представители Университета Пенсильвании выяснили, что как только количество несогласных достигает отметки в 25 %, они тут же меняют мнение всего общества [12].

Уровни рискогенности. Государство – основной субъект международных отношений, поэтому оно максимально рискогенно. Классификация политических рисков проводится на основе разделения событий, вызванных либо действиями правительственных структур в ходе проведения определенной государственной политики, либо силами, находящимися вне контроля правительства [9, с. 15].

Говоря о страновых (государственных) рисках, целесообразно выделить три основных блока политических рисков: внутривнутриполитические (гражданская война); внешнеполитические (агрессия, блокада, санкции и др.); внешненаправленные (риски, возникающие при организации активной внешней политики государства: военные операции, экономические, идеологические и другие акции и кампании).

Современное общество объективно содержит в себе возможности иных состояний, причем часть из них при реализации приведет социум в явно более худшее положение, чем было до принятия решения. По Н. Луману, ключевым моментом общественного развития является постоянное возрастание дифференциации социальных систем, что автоматически ведет к увеличению возможных рисков [11].

Для взаимодействия со средой система в своей структуре создает дополнительные элементы. Это вызывает усложнение общества за счет независимости элементов и уязвимости государственной системы. По мнению Н. Лумана, усложнение государственной системы и внешней среды предполагает практически неограниченные возможности для установления взаимосвязей. Это свойство системы западный исследователь называл комплексностью. Комплексность означает, что в любой момент имеется больше возможных состояний системы, чем реализуется. Выбор одного из потенциально возможных состояний – это упрощение, редукция комплексности. Система постоянно вынуждена выбирать из возможных вариантов будущего, что ведет к неопределенности будущего [6, с. 66].

Пока мы рассматривали страновые политические риски, т. е. возможность перехода политической власти в государстве от одного правящего класса к другому или от одной его группировки к другой. Но это не един-

ственный вариант/уровень политических рисков. По восходящей линии выделяют региональные и глобальные политические риски. Под региональными политрисками имеют в виду континентально-региональные, например европейские (Евросоюз), ближневосточные, центральноамериканские, региона бывшего СССР и т. п. В данной модели акторами политически опасных или радикальных перемен чаще всего выступают отдельные государства конкретного региона, например Иран, Израиль, Турция. В современной истории актуальны регионально обусловленные политические движения или организации, например ИГИЛ, «Братья-мусульмане», «Талибан»¹, или социальные катаклизмы (беженцы из беднейших стран Азии и Африки).

Глобальные политические риски представляют собой феномены из разряда крайне редких и уникальных. В первую очередь речь идет о возможности мировой войны. В настоящее время все больше аналитиков и политических деятелей говорят о «новой холодной войне» между коллективным Западом и Россией. К разряду глобальных относят угрозы распространения ядерного оружия, дефицит чистой воды, проблемы, связанные с глобальным потеплением, атомной энергетикой и др.

В последние годы объектом пристального изучения стали взаимоотношения транснациональных корпораций с международными неправительственными организациями (МНПО), которые также являются акторами глобального пространства. По свидетельствам канадской нефтяной компании «Талисман», обвинения со стороны различных МНПО в нарушении прав человека на предприятиях в Судане привели, помимо потери огромных инвестиций в этой стране, еще и к многомиллионным убыткам на территориях, соседствующих с Суданом. Если в 1960-е гг. таких примеров насчитывалось десятков, то сегодня их тысячи. Сила МНПО состоит в том, что они чаще всего руководствуются неэкономическими соображениями, а это позволяет им получить поддержку широких слоев населения и государства [1, с. 39].

Наиболее распространенными политрисками, с которыми аналитики реально работают, являются внутристрановые (региональные) риски. Их иерархия начинается со столичных (московских) политических рисков. Как показывает российская и международная практика, политическая нестабильность в столице государства чаще всего представляет собой вершину айсберга политической нестабильности в стране. Здесь оппозиция, опираясь на своих сторонников в других городах, имеет возможность, используя минимум людских ресурсов и минимальные временные затраты, спровоцировать национальный кризис, предпринять попытку овладения управляющими и информационными коммуникациями или захвата государственной власти.

Следующим территориальным уровнем внутристранового риска является зонально-страновой. В Российской Федерации этими зонами (регионами) могут быть Северо-Кавказский, Русский Север, Поволжье и др. Здесь драйверами социально-политической напряженности выступают национальные, религиозные и экологические проблемы и движения [3, с. 164].

¹ Террористические организации, деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена.

Небольшие размеры входящих в эти регионы субъектов Федерации определяют похожесть проблем, свойственных исторически сложившимся территориям, пестрым по этноконфессиональному составу, с высокой плотностью населения. Серьезным драйвером потенциальных политических конфликтов выступает историческая память народов, социальных общностей и городов. В российской политической аналитической практике деление на регионально-страновые единицы не очень характерно, но как вербальная дефиниция это понятие эпизодически используется исследователями.

Последующий уровень – региональный, или уровень субъектов Федерации, является основным объектом для анализа представителями российского политологического сообщества. В значительной степени это обусловлено отечественной исторической спецификой (традицией). Огромная территория империи и Союза, при слабости и растянутости коммуникаций, способствовала формированию на базе административно-территориальных единиц центров власти, зон тяготения прилегающих территорий, точек политической власти и интерпретаторов решений имперского правящего класса. Столетия социально-политических трансформаций, эволюция и калейдоскоп экономических процессов привели к формированию специфических и оригинальных типов политической культуры и этноконфессионального ландшафта. Именно они (регионы), после столичного, являются основными субъектами российского политического процесса.

Пирамида географических оснований классификации политических рисков не исчерпывается региональным (субъектным) уровнем. Внутри регионов выделяются городские и районные уровни, и прежде всего это областные (краевые и республиканские) центры. Региональные столичные города аккумулируют в себе большую часть финансовых, административных и интеллектуальных ресурсов, поэтому также являются ареной напряженной борьбы за влияние в них региональных элит. Так как здесь расположены органы исполнительной, представительной, судебной и силовой ветвей власти, а также представители федеральной власти и в совокупности к ним представители национальных корпораций и местного капитала, то накал страстей здесь высок. Следует помнить, что в регионах традиционно имеет место борьба областной власти и элит регионального центра между собой, в которой активно участвуют представители районов. Немаловажно и то, что ряд субъектов Федерации являются активными участниками международных экономических и социально-культурных связей.

Десятилетия, прошедшие после краха советской власти, в значительной степени повысили самооценку и активность территориальных (районных) элит. Необходимо учитывать, что некоторые районы российских регионов превышают по площади, численности населения и продолжительности исторического сознания ряд европейских государств. Иногда расстояния от районных центров до областной столицы могут превышать тысячу километров. Все это заставляет администрацию и деловые круги воспринимать себя как реальную власть на местах и проводить политику, не всегда считаясь с интересами руководства региона, а иногда играя на межсубъектных проти-

воречиях региональной власти. Замершая реформа местного самоуправления также не способствует нормализации жизни территорий, заставляя их администрации действовать за пределами своего административно-хозяйственного пространства, вторгаясь в региональную политическую жизнь, со всеми вытекающими отсюда политическими рисками. В значительной степени это инспирируется регулярно происходящими пожарами, наводнениями, техногенными катастрофами, когда решения нужно принимать незамедлительно, не дожидаясь инструкций сверху.

Доведя анализ до логического завершения, исследователь приходит к пониманию того факта, что политические риски могут быть также локальными, объектовыми и индивидуальными. Любая территория и город имеют в своем составе участки повышенной значимости, социальной напряженности и криминогенности. Зачастую населенные пункты или микрорайоны, расположенные глубоко в провинции, становятся предметом внимания целой страны, причиной серьезных кадровых перестановок и иных политических решений. У всех в памяти пожары, отравления и преступления в объектах инфраструктуры, торговли, досуга и развлечений, вызвавшие широкий общественный резонанс. Их последствия не только оказывают воздействие на политическую жизнь региона и страны, но и приводят к межгосударственным и международным скандалам и вспышкам напряженности.

Общим местом является утверждение о том, что некоторые политики или персоны, вовлеченные в политическую жизнь, становятся причиной изменения политической ситуации или наступления новых эпох в жизни стран и международной политической жизни (дело Асанжа). Роль личности в истории освещена в бесконечном ряду научной литературы и публицистике, да и современная история России и Украины постоянно являют собой подтверждение данного тезиса.

Параметры и состояния рискогенности. Важным параметром является глубина или распространенность революционных настроений. Под глубиной политической рискогенности автор понимает количество классов, социальных слоев или ведущих социальных групп, поддерживающих или разделяющих курс на переворот, а также уклоняющихся от сопротивления революционным ожиданиям и устремлениям. Общеизвестно, что организовать государственный переворот гораздо проще, чем удержать политическую власть до признания легитимности новой власти населением и международным сообществом. Даже в рамках современной истории осуществлено достаточно много военных и гражданских переворотов, в том числе Пиночета в Чили, изменивших политический режим, но так и не превратившихся в социальную революцию.

Значимым показателем является степень социальной поддержки организации, готовящей переворот. У экспертов достаточно популярен тезис о том, что в любом обществе, особенно если правящий класс или данный режим достаточно долго находится у власти, довольно большая доля населения является противником действующей власти. Однако оппозиция, как правило, крайне разнородна и поддерживает многих претендентов на госу-

дарственную власть или зачастую вообще не считает, что существует достойный кандидат. Поэтому нередко действующий режим, при всей его непопулярности, пользуется большей поддержкой, чем любой представитель оппозиции или все они, вместе взятые.

Аналитические технологии, используемые в рискологии. Говоря о политических рисках, мы подразумеваем явления будущего. Риск – это всегда предчувствие грядущего, это преддверие неудачи, преступления, катастрофы. Речь может идти о ближайшем или отдаленном будущем, об актуальной или потенциальной перспективах. Люди, предчувствующие будущее интуитивно, – провидцы; исчисляющие его при помощи научных методов – ученые; выводящие его из ощущений и оценок других (экспертов) – аналитики. Такие люди живут не только днем сегодняшним, а принадлежат будущему. Поэтому интерес к ним всегда велик, но отношение к их пророчествам традиционно недоверчивое, судьбы их трагичны.

Современность внесла существенные изменения в их деятельность, социальный статус и судьбу, но не изменила сути процесса. Пророчество, предсказание и прогноз – всегда результат аналитической работы. Нет разницы, осознанная она или нет, производится ученым или дилетантом, профессиональным политиком или писателем-фантастом.

В чем же заключается суть аналитической работы? Прежде всего в рассмотрении вариантов. Анализируются выявленные кратковременные тренды и долговременно действующие тенденции, просматриваются амплитуды экономических циклов, пробивается выборный календарь, возрастные и другие показатели политических деятелей и др. Классификация, сопоставление и осмысление полученной информации позволяет выявить до 100 вариантов (сценариев) развития социально-политических процессов. Затем составляется рейтинг вероятности, исходя из дополнительной информации и собственной интуиции аналитика. Части этой пирамиды вероятностей нумеруются или именуется в зависимости от предпочтений исследователя. Например, первая, вторая и последняя треть, или первая, вторая и третья декады, или десятка, пятерка и тройка и др.

Реализации каждого сценария присущи три группы политических рисков: риски – индикаторы реализации данного сценария; риски, возникающие в результате взаимодействия (борьбы) реализующихся сценариев между собой; непредсказанные (спонтанные) сложности случайного порядка. Внутри каждой группы прослеживаются вариации проблем реализующегося сценария. В первой группе – внутренние проблемы самого сценария, внешние препятствия, формирование нового контекста в результате взаимодействия первых и вторых вариаций. Внутри второй группы возможно проявление иных вариаций: проблемы, возникшие в результате доминирования прослеживаемого сценария; проблемы, возникшие в результате победы конкурирующего сценария и при одновременной их реализации. В третьей группе выявление вариаций – более сложный процесс: здесь возможно воздействие глобальных процессов, иррациональных психических флуктуаций акторов данного сценария, исчезновение целесообразности реализации данного сценария и т. п.

Технологии воздействия на политические риски. Исходя из того, что политология и рискология не ограничиваются констатацией прошлого и настоящего, а активно пытаются воздействовать на будущее, в идеале после проведенной аналитической работы начинается реализация следующей стадии. Речь идет о воздействии на прогнозы и обстоятельства будущего, которое не предрешено. Для решения этого комплекса задач используются различные технологии, прежде всего повышение рейтинга вероятности для благоприятных сценариев и снижение вероятности реализации для конкурентных, нежелательных. То есть стимулируется концентрация благоприятных обстоятельств, и ведется борьба, реальная или виртуальная, с противодействующими обстоятельствами и вероятностями.

Известное словосочетание «самосбывающийся прогноз» обманно по своей сути. В политике ничего не происходит само. Маловероятный прогноз может финансироваться и стимулироваться заинтересованной в нем стороной за счет кадровых, дипломатических, информационных и иных ресурсов. Иногда это не помогает, и ход событий изменить не удастся, но зачастую настойчивость и вложенные ресурсы обеспечивают желаемый результат, поэтому первоначальный прогноз и составленный на его основе рейтинг вероятностей и политических рисков иногда оказываются ошибочными. Происходит это не потому, что рейтинг был составлен неверно, а потому, что иерархию вероятностей удалось изменить. Не всегда это происходит целенаправленно и сознательно, как указывалось выше, совокупность обстоятельств – вещь динамичная и разнонаправленная. Но неизменно в реализации сценария присутствует чей-то интерес.

Корректировка рейтинга доминирующих сценариев в свою очередь вносит корректировку в пирамиду рейтингов политических рисков. Следовательно, можно действовать от обратного в целях борьбы с политрисками, направить усилия на предотвращение реализации рискогенных сценариев.

Список литературы

1. *Бордовских А. Н.* Природа политического риска: проблемы методологии в условиях перехода от международного к глобальному мироустройству // *Власть*. 2008. № 11. С. 37–41.
2. *Бочаров Е. П., Алексенцева О. Н., Ермошин Д. В.* Оценка рисков промышленных предприятий на основе имитационного моделирования // *Прикладная информатика*. 2008. № 1 (13). С. 15–24.
3. *Зуляр Ю. А.* Политология : в 2 т. : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2011. Т. 2. 740 с.
4. *Карадже Т. В.* Политическое прогнозирование как составляющая методологии политической науки [Электронный ресурс] // *Texts.News*. URL: <https://clck.ru/HrPWR> (дата обращения: 20.04.2019).
5. *Ленин В. И.* Крах II Интернационала // *Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. Т. 26. М. : Изд-во полит. лит., 1973. С. 209–265.
6. *Луман Н. Л.* Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновский. М. : Логос, 2004. 232 с.
7. Назван уровень разрыва между богатыми и бедными в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2019/07/28/n_13269511.shtml?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25.05.2019).

8. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. М. : Дело, 2003. 360 с.
9. Подколзина И. А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска // Регион: экономика и социология. 2003. № 3. С. 11–19.
10. Разуваев В. В. Теоретическое определение понятия риск [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/09/72007> (дата обращения: 25.04.2019).
11. Синяев М. В. Методика анализа политических рисков [Электронный ресурс]. URL: https://texts.news/politicheskie-issledovaniya_1576/sinyaev-metodika-analiza-politicheskikh-69532.html (дата обращения: 25.05.2019).
12. Ученые выяснили, сколько несогласных нужно для революции [Электронный ресурс] // ВЕСТИ.RU. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3026701> (дата обращения: 25.04.2019).

Methodological Approaches to the Phenomenon of Political Risk

Yu. A. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The subject of the article is the study of the causes of political risks, the explanation of this phenomenon and some directions, methods and methods of their identification. Political risk is an integral element of any prognosis, but on the other hand, the definition and calculation of the probability of political risk begins after the political prognosis. Identifying potential and likely political risks involves a number of difficulties, but their ability to prevent getting into trouble and avoid possible drastic consequences or to minimize losses, if any occur, more than justifies efforts and financial costs.

Keywords: riskology, political prognosis, political activity, the nature of political risk, political crisis, radicalization of society, a pyramid of risk, analytical techniques of riskology.

For citation: Zulyar Yu.A. Methodological Approaches to the Phenomenon of Political Risk. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2019, vol. 29, pp. 6-8. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.29.6> (in Russian)

References

1. Bordovskih A.N. Priroda politicheskogo riska: problemy metodologii v uslo-viyah perekhoda ot mezhdunarodnogo k global'nomu miroustrojstvu [The nature of political risk: methodological problems in the transition from the international to the global world order]. *Vlast*, 2008, no. 11. pp. 37-41. (in Russian)
2. Bocharov E.P., Aleksenceva O.N., Ermoshin D.V. Ocenka riskov promyshlennykh predpriyatij na osnove imitacionnogo modelirovaniya [Risk assessment of industrial enterprises based on simulation]. *Prikladnaya informatika*, 2008, no. 1 (13), pp. 15-24. (in Russian)
3. Zulyar Yu.A. *Politologiya* [Political science]. In 2 vol. Vol. 2. Irkutsk, Irkut. St. Univ. Publ., 2011, 740 p. (in Russian)
4. Karadzhe T.V. *Politicheskoe prognozirovanie kak sostavlyayushchaya metodologii politicheskoy nauki* [Political forecasting as a component of the methodology of political science]. Available at: https://texts.news/politicheskie-issledovaniya_1576/karadje-politicheskoe-prognozirovaniekak.html (data of access: 20.04.2019). (in Russian)
5. Lenin V.I. Krah II Internacionala [The collapse of the II international]. *Complete works. Vol. 26*. Moscow : Politicheskaya literatura Publ., 1973, pp. 209-265. (in Russian)
6. Luman N.L. *Obshchestvo kak socialnaya Sistema* [Society as a social system]. Transl.A. Antonovskij. Moscow, Logos Publ., 2004, 232 p. (in Russian)

7. Nazvan uroven razryva mezhdu bogatymi i bednymi v Rossii [The level of the gap between rich and poor in Russia is named]. Available at: https://www.gazeta.ru/business/news/2019/07/28/n_13269511.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data of access: 25.05.2019). (in Russian)

8. Najt F. *Risk, neopredelennost i pribyl* [Risk, uncertainty and profit]. Moscow, Delo Publ., 2003, 360 p. (in Russian)

9. Podkolzina I.A. Problemy definicii i ocenki politicheskogo riska [Problems of political risk definition and assessment]. *Region: ekonomika i sociologiya*, 2003, no. 3, pp. 11-19. (in Russian)

10. Razuvaev V.V. *Teoreticheskoe opredelenie ponyatiya risk* [Theoretical definition of risk]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii*. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2016/09/72007> (data of access: 25.04.2019). (in Russian)

11. Sinyaev M.V. Metodika analiza politicheskikh riskov [Methodology of political risk analysis]. Available at: https://texts.news/politicheskie-issledovaniya_1576/sinyaev-metodika-analiza-politicheskikh-69532.html (data of access: 25.05.2019). (in Russian)

13. Uchenye vyyasnili, skol'ko nesoglasnyh nuzhno dlya revolyucii [Scientists have found out how many dissenters need for the revolution]. Available at: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3026701> (data of access: 25.04.2019). (in Russian)

Зуляр Юрий Анатольевич
доктор исторических наук, профессор,
декан, исторический факультет
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)243995
e-mail: uzulyar@yandex.ru

Zulyar Yuriy Anatolievich
Doctor of Sciences (History), Professor,
Dean, Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
tel.: 8(3952)243995
e-mail: uzulyar@yandex.ru

Дата поступления: 05.06.2019

Received: June, 05, 2019